

Владимир КАДЯЕВ

ЖИВОЙ КЛАССИК

Он и думать не смел, что однажды воспарит до небес и станет известным всем и каждому. А вот, поди ж ты, стал, из непризнанных гениев пробился в признанные и теперь купается в лучах славы.

А всё потому, что когда-то, робко ступая по извилистой стезе призвания, усвоил: в одиночку, без команды, – даже при семи пядях во лбу и своём, персональном, Пегасе в стойле – далеко не ускачешь. И, осознав это, начал действовать.

Всеми правдами и неправдами, о коих не только рассказывать, но и вспоминать не хочется, втёрся в доверие к солидному издателю. Тот, проникшись сочувствием к литературному мытарю, свёл его к опытному редактору, редактор – с покладистым рецензентом, а уж рецензент посоветовал шустрого агента, что без мыла в любую... щель влезет.

И вот, как в кино, всё сошлось, прокрутилось, и роман «Мягкие сердца, чёрствые души» красочно издан, с блеском отрецензирован, с размахом анонсирован – и пять тысяч экземпляров разлетелись в месяц. А сам он, как и следовало ожидать, проснулся знаменитым.

Ну а дальше – пошло-поехало! Точно незримый механизм сотворения нетленных шедевров и здравствующих классиков давно отлажен. Надо лишь набрать нужный код, ввести исходную информацию, приложить рукопись – и нажать заветную кнопку «Пуск». После чего на свет Божий является новый шедевр, а вместе с ним новая, ещё более высокая волна невысказанных тиражей и сказочных гонораров.

И всякий раз выход бестселлера отмечался шумной презентацией, на которую созывалась вся команда, а также причастные к проекту люди, кои должны быть отблагодарены плодотворным автором, на глазах становящимся мэтром изящной словесности и властелином дум.

Тем временем подоспел очередной, уже ...надцатый по счёту, роман с интригующим названием «Весёлые скворцы, безмолвные канарейки». И стол с обильным яств и напитков ждал, когда гости рассядутся, и прозвучит благодарственное слово виновника торжества.

– Дорогие «подельники»! – слегка острит он, поднявшись с места. – Я не столько рад новой книге, к которой вы, так или иначе, имеете отношение, сколько встрече с вами в неформальной обстановке.

Вежливые улыбки освещают лица, и наш герой, вздохнув поглубже, изрекает не без пафоса и регистром выше:

– Поэтому со всей искренностью и от всей души хочу сказать: как же вы мне все остое...

Лихо начатый спич обрывается, а виновник торжества, выпучив глаза, костенеет. Ибо с языка чуть было не сорвалось нечто ужасное и непоправимое, что, впрочем, давно вертелось там, но всякий раз отеснялось приветливыми словами и сердечными улыбками. А теперь вот...

Однако онемевшего писателя выручает издатель, коему никак не улыбался скандал и потеря выгодного клиента. А потому, резко поднявшись, он взламывает кладбищенскую тишину и выводит всех из глубокого, близкого к параличу транс.

– Где ваше чувство юмора, господа! – восклицает, взметнув над столом бокал и обводя всех жизнерадостным взглядом. – Это всего лишь шутка! Он расслабляется так, наш классик: в неформальной – так в неформальной, как говорится! Ну так ведь? – приобнимает окоченевшего писателя.

– Да-да, именно! – обретает тот дар речи. – Я всех вас безмерно люблю и не стесняюсь признаться в этом! Всех-всех! – распахивает объятая для всех и каждого.

– А-а! О-о! Э-э! – оживают гости, которым совсем не хотелось покидать насиженных мест, не откушав изысканных блюд и не испив соблазнительных напитков. – И мы безмерно! И мы! – голоса наперебой, вставая и чокаясь друг с другом.

– За роман, господа! За новое слово в отечественной литературе! – подводит под инцидентом черту издатель.

– За «Весёлых скворцов, безмолвных канареек!» – в один голос подхватывает рецензент и редактор.

– За живого классика! – вворачивает литературный агент.

Ну, а сам классик с облегчением вздыхает и мысленно крестится: «Пронесло, кажется?»

В марте с.г. в Центральной городской библиотеке состоялась презентация новой книги Натальи Леваниной «Инстинкт любви».

Сборник включает четыре повести, и все они, как можно догадаться, о любви.

ВЕЧНАЯ ТЕМА

Надо сказать, тема любви в творчестве этого прозаика является основной, доминирующей над прочими.

И это не удивительно, потому как жизнь без любви для женщины Н. Леваниной невысказана, неполноценна, недостаточна, пресна, бедна, бессмысленна... В общем, как бы и не жизнь, а параллельное существование с подлинной жизнью, которую освещает неизъяснимое, сумасбродное, неуправляемое, никакой алгеброй не поверяемое, но прекрасное чувство, имя которому ЛЮБОВЬ.

И пусть она не обходится без слёз и отчаяния, пусть «сто раз обманет», но... «как на свете без любви прожить?»

Вот на этом сакральном «но» всё держится. И, судя по пристрастности к теме, автор не понаслышке знает изменчивую, но непреодолимую силу любви, испытала и полноту взаимной, и одиночество безответной, пережила и горечь измены, и стылое, возвращающее с небес на землю разочарование.

Однако, несмотря на потери и сердечные

страдания, что тенью следуют за любовью, она искала и находила в беспокойном, а то и бушующем море жизни спасательный круг ЛЮБВИ.

Ибо в ней – и только в ней! – видела и видит оправдание такому загадочно фантастическому, рассудку не поддающемуся явлению, как зарождение и бытие человеческое.

И можно почти безошибочно предположить, что в ледниковые периоды дефицита любви, не говоря уж о её отсутствии, писатель Наталья Леванина спасалась и спасается тем, что уходит в любовь, сочиняя её для своих литературных героев, за них и вместе с ними переживает счастье болезненно-сладостного озноба, диагноз которому всё она же – ЛЮБОВЬ.

И, видимо, это мироощущение автора по-

вестей накатывалось на присутствующих в зале и настраивало на соответствующую ноту, и презентация прошла на одном дыхании и в прелестной ауре.

Ну, а гитара и лирические песни автора и исполнителя Василия Лысака только «усугубляли» атмосферу – у кого-то воспоминаний о любви, у кого-то пребывания в ней, а у кого-то и предчувствия любви. В общем, расходиться не хотелось.

АФОРИЗМЫ О ЛЮБВИ

...Всякое рассуждение о любви уничтожает любовь.

Лев Толстой

Любовь юная, прелестная, поэтическая, уносящая в мир грез, – на земле только она одна может дать счастье!

Антон Чехов

По моему мнению, брак и его узы или величайшее добро, или величайшее зло; середины нет.

Вольтер

Улыбка – преддверие любви.

Целомудренность – лучший подарок к свадьбе.

Вячеслав Сергеев

Любовь окрыляет даже рождённых ползать.

Владимир Котиков

Толпа поклонников не заменяет одного единственного.

Дмитрий Калинин

Утро всегда доброе, если ночь страстная.

Дмитрий Примак

Любовь вспыхивает от трения взглядов и гаснет от трения слов.

Юрий Зарожный

Любовь умирает. Величайшая трагедия жизни состоит в не в том, что люби гибнут, а в том, что они перестают любить.

Сомерсет Моэм